

ДЖОН НОЙМАЙЕР:

Абстрактного танца не существует

Новое здание оперного театра в Копенгагене, построенное к 200-летию со дня рождения Ханса Христиана Андерсена и еще пахнущее краской, открылось мировой премьерой нового балета Джона НОЙМАЙЕРА

“Русалочка” по печальной сказке датского писателя. Эта постановка начала серию художественных событий, посвященных юбилею сказочника. Музыку для спектакля сочинила пианистка и композитор из России Лера Ауэрбах. Исполняют “Русалочку” танцоры Королевского Датского балета, с которым у Ноймайера давние творческие связи. Еще в 1985 году хореограф поставил здесь “Гамлета” и с тех пор дружит с датской королевой Маргарет Ауэрбах, как и полагается современному композитору-постмодернисту, придумала изящное обрамление для серии цитат из сочинений своих коллег по профессии, посвященных морской и водной стихии. В ее композицию вошли цитаты из опусов классиков: Баха, Бетховена, Шуберта и наших современников. Среди них оказался Астор Пьяццолла. “Русалочка” – вторая морская нимфа в творчестве Ноймайера. В 1994 году он ставил “Ундию” на музыку Ханса Вернера Хенце, но считает этот балет не очень удачным. Новый опыт удался гораздо лучше. Танцовщица Мари Пьер Грев сделала свою Русалочку нежной, трепетной, беззаветно преданной принцу. Веришь, что не только ее героиня, но и сама танцовщица способна принести себя в жертву ради любви. Жан-Люсьен Массот интересно исполнил роль Морской ведьмы. Сложнее всего пришлось Кеннету Гreve. Он сыграл не только Принца, но и Андерсена. В сложной композиции спектакля Ноймайер связывает сказку датского писателя и историю, действительно случившуюся в его жизни. Об этом хореограф рассказал перед премьерой в интервью с корреспондентом гамбургской “Вечерней газеты”.

– Господин Ноймайер, Андерсен, рассказывая о том, как сочиняет свои истории, писал: я подхватываю идею, о которой размышляют взрослые, и пересказываю ее для малышей. И думаю о том, что отец или мать, читающие книжку ребенку, часто слышали подобные истории, значит, нужно сделать так, чтобы они тоже о ней задумались. Это высказывание писателя

Дж. Ноймайер

как-то соотносится с вашим творчеством?

– Андерсен был гением, и для меня это главная сложность. Он рассказывает очень многослойные истории, и я должен сделать так, чтобы каждый ее уровень считывали зрители. Кроме того, мой спектакль рассказывает о размышлениях Андерсена, о людях, встретившихся ему на жизненном пути. Можно сказать, что все происходящее на сцене – это рамка, в которой время от времени появляется его фигура.

– Почему вы придумали такую концепцию?

– Андерсен написал “Русалочку” в тот момент, когда его жизнь стремительно изменилась. Его друг Эдвард Коллин решил жениться. Андерсен не пришел на свадьбу, и эта сказка была его реакцией на то, что теперь его отношения с другом изменятся. Он считал, что отношения разорваны. Для меня “Русалочка” максимально автобиографична. В моем спектакле Андерсен плывет на корабле и вспоминает эту свадьбу. Он плачет и чувствует, как слезы из его глаз падают в море. Ему хочется прыгнуть в воду вслед за сплывающей и утонуть вместе с ней. И в этот мо-

мент придумывает образ тоскующей Русалочки.

– Удастся ли зрителям увидеть слезы, текущие из глаз Андерсена? Или вы покажете на экране его лицо, снятое крупным планом?

– Мне не нужны ни киносъемка, ни какие-либо другие эффекты и трюки. Я использую строгий язык жестов, как в японском театре, тот, что применяется для передачи мифологических или мистических историй.

– Как соотносится эта стилизация с другими, более общепринятыми способами выражения содержания?

– Всегда получается так, что у любого образа есть множество интерпретаций. Стилизация движений не мешает живописи и музыке. Сейчас мы уже не можем представить себе море и природу точно такими, как их описывал Андерсен. Я не пытаюсь описать то, что он придумал, но в то же время созданные Андерсеном образы наводят меня на мысли и заставляют сочинять свои собственные картины.

– Какие вопросы вас при этом больше всего волнуют?

– Основным вопросом остается

тот, что я пытаюсь разрешить в “Смерти в Венеции”: взаимоотношения между творцом и его творением. И то, как творцу удается благодаря своему творению обрести бессмертие. Я думаю, что все люди, занимающиеся творчеством, постоянно возвращаются к этому вопросу. Он волновал и Андерсена. Поскольку жизнь не приносила ему радости, он надеялся, что сочиненные им сказки помогут ему обрести бессмертие. Это одна из тем спектакля.

– Вы создаете балеты с драматическим сюжетом и чисто танцевальными. Считаете ли вы, что вам нужно рассказать зрителям какую-то историю, или вам достаточно просто погрузить их в стихию движений, музыки и ритма?

– Все перечисленные вами элементы связаны с драматическим действием. Я считаю, что абстрактного танца не существует. Даже когда я в 2001 году ставил балеты для Мариинского театра, которые многим критикам показались абстрактными, я старался передать драматическое напряжение, наполнявшее музыку. Я думаю, что на сцене разыгрывалась настоящая драма, хотя у ее героев не было имен, как у Ромео и Джульетты. Для меня танец – это искусство, которое раскрывает взаимоотношения, контакты, контрасты и напряжение, возникающее между людьми.

– Вы поставили свою собственную версию классических “Лебединого озера” и “Спящей красавицы” Петипа. Вы считаете, что каждое новое поколение хореографов должно придумывать свою версию классических балетов? Или версия Мариинского театра не нуждается в корректировке?

– Каждый балет ставит классику в той традиции, к которой он привык. У Мариинского театра своя традиция, у Датского Королевского балета – своя. Гораздо важнее то, что обе они живы. А я могу сделать все, что угодно, – даже поставить Шекспира в эстетике японского театра. Главное, чтобы зрители, видя созданных мной героев, верили в их реальность. Я верю в то, что существует принцесса Аврора, и в то, что она может умереть, уколочшись веретеном. Значит, зрителям понравится моя версия балета.

– Чем отличается “Русалочка” от “Ундины”, которую вы поставили в 1994 году?

– Вероятно, я в чем-то повторяюсь (в моем творчестве такое происходит впервые). Но когда я ставил “Ундию”, у меня было ощущение, что музыка композитора Ханса Вернера Хенце не совсем подходит к сочиненной мной истории. Поэтому мне захотелось еще раз поставить эту историю. Драматическая структура “Ундины” и “Русалочки” в чем-то схожи, но, как хореограф, я не повторил ни одного движения, ни одного шага. Это две независимые друг от друга истории о русалках, которые я придумал.

– На этот раз музыку сочинила Лера Ауэрбах. Она придумала очень сложную оркестровку. Как будет соотноситься саксофон, целая батарея ударных инструментов, электронные инструменты, арфа, орган, настоящая пила и многое другое с поэтическим произведением Андерсена и придуманными вами движениями?

– Увидим. Практически все время я работал с клавиром. Это будет главной неожиданностью моего нового спектакля.

– Позитивной или негативной?

– Если повезет, то возникнет то идеальное соответствие между звуками и движениями на сцене, которого мне так не хватало в “Ундине”. А если не получится, придется что-то менять: либо движения, либо музыкальную партитуру.

– Что в этом случае будет проще изменить?

– Конечно, движения.

– В Америке есть сказка, похожая на “Русалочку”?

– Нет. В этой сказке существуют две вещи, которые для американцев совершенно непонятны. С одной стороны, это девушка, приносящая жертву во имя любви. И с другой – финал. Это не просто убийство или самоубийство. Оно окрашено мечтой, когда-нибудь освободиться из морской пены. Получается, что Русалочку не осуждают и не вознаграждают. Она должна трудиться еще триста лет, чтобы обрести освобождение. Невероятный финал! Для нас, людей, подобное решение было бы пыткой. И все же я считаю такой конец сказки позитивным.

Подготовила
Ольга РОМАНЦОВА
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
[“Известия”]

Ноймайер Джон

04.05.05.

Кучуба, - 2005. - 4 мая